

Simplicius
In Aristotelis De caelo commentaria¹

От² слов «некоторые полностью отрицали возникновение», до слов «переноса на чувственно воспринимаемые вещи способ рассуждения, приличествующий умопостигаемому»³

Он [Аристотель] разделил учения о возникновении на четыре части. Одни вовсе отрицают возникновение и говорят, что все сущее не подлежит возникновению, на том основании, что не существует знания о вещах, подлежащих возникновению и уничтожению, ибо они вовлечены в поток постоянных изменений; таково, как кажется, было мнение Парменида и Мелисса. Другие же утверждают обратное; так, Гесиод говорит, что подлежит возникновению самое первое из того, что, по его мнению, является сущим:

Прежде всего во вселенной Хаос зародился⁴.

А некоторые – например, Гераклит, - говорят, что все подлежит возникновению; кроме одного только общего подлежащего (κοινὸν ὑποκείμενον), из которого происходят

¹ Перевод выполнен в рамках проекта «Политическое измерение нелегитимного аргумента в науках о языке и тексте» (№ 13-05-0037) при финансовой поддержке программы «Научный фонд» НИУ ВШЭ (2013 г.). Переводчики благодарят М. В. Шумилина за выполненную им редактуру перевода.

² Перевод сделан по изданию: *Simplicius. In Aristotelis de Caelo commentaria* / Ed. I. L. Heiberg. B., 1894. P. 556 – 560.

³ Οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν ὄλως ἀνεῖλον γένεσιν μετήνεγκαν ἕως τοῦ ἐπὶ ταῦτα τοὺς ἐκεῖ λόγους. Предметом комментария является, соответственно, фрагмент из III. 1 “О небе” от слов: “Οἱ μὲν γὰρ αὐτῶν ὄλως ἀνεῖλον γένεσιν καὶ φθοράν κτλ.” [Одни из них полностью отрицали возникновение и уничтожение и т.д.] до слов: “Ἐκεῖνοι δὲ διὰ τὸ μηθὲν μὲν ἄλλο παρὰ τὴν τῶν αἰσθητῶν οὐσίαν ὑπολαμβάνειν εἶναι, τοιαύτας δὲ τινὰ νοῆσαι πρῶτοι φύσει, ἔπειτα ἔσται τις γνώσις ἢ φρόνησις, οὕτω μετήνεγκαν ἐπὶ ταῦτα τοὺς ἐκεῖθεν λόγους” [А они полагали, что, кроме бытия чувственно воспринимаемых вещей, никакой другой реальности нет, но в то же время впервые поняли, что без такого рода [неизменных] вещей никакое познание или мышление невозможны, и потому перенесли на первые те воззрения, которые были справедливы для вторых] (пер. Н.В. Брагинской; выделения жирным шрифтом слов, которые вошли в заглавие раздела у Симпликия, - наши).

⁴ Теогония, 116 (пер. В. В. Вересаева).

все вещи. Другие же полагают, что нет ни одного тела, которое бы не подлежало возникновению: ему подвержено все, ибо все вещи состоят из плоскостей⁵.

Первым делом Аристотель рассматривает мнение последователей Мелисса и Парменида. Мелисс говорил, что возникновения вообще нет, Парменид же полагал, что возникновение принадлежит не к области истины, а к области мнения; поэтому он считал, что оно «Только кажется нам...»⁶. Аристотель считает, что, если даже в определенном отношении они и рассуждают правильно, ибо они действительно прекрасно и божественно сформулировали и подобающим образом изложили учение о едином сущем и умопостигаемой природе и показали, что не может быть знания о вещах, подверженных возникновению и находящимся в движении, ибо они вовлечены в поток постоянных изменений, - однако «не следует считать, что они, философствуя о том, что превыше природы, рассуждают подобно исследователям природы»⁷. Ведь то, о чем они вели свое доказательство, а именно, то положение, что «кое-что из сущего не подвержено возникновению и движению», принадлежит к ведению другой, первой философии, а совсем не к исследованию природы, которое занимается вещами, находящимися в движении, коль скоро природа является началом движения. Они же, упраздняя движение, упраздняют и природу, а равно и природные вещи. Однако кто-нибудь может сказать: что же мешает назвать их исследователями природы и, следовательно, опровергнуть

⁵ По всей вероятности, Аристотель (и вслед за ним Симпликий) имеют в виду следующее место из «Тимея» Платона (53c-d): *Πρῶτον μὲν δὴ πῦρ καὶ γῆ καὶ ὕδωρ καὶ ἀήρ ὅτι σώματά ἐστι, δῆλόν που καὶ παντί· τὸ δὲ τοῦ σώματος εἶδος πᾶν καὶ βάθος ἔχει. τὸ δὲ βάθος αὖ πᾶσα ἀνάγκη τὴν ἐπίπεδον περιελιφέναι φύσιν· ἡ δὲ ὀρθὴ τῆς ἐπίπεδου βάσεως ἐκ τριγῶνων συνέστηκεν. τὰ δὲ τρίγωνα πάντα ἐκ δυοῖν ἄρχεται [53d] τριγῶνιν, μίαν μὲν ὀρθὴν ἔχοντος ἑκατέρου γωνίαν, τὰς δὲ ὀξείας· ὧν τὸ μὲν ἕτερον ἑκατέρωθεν ἔχει μέρος γωνίας ὀρθῆς πλευραῖς ἴσαις διηρημένης, τὸ δ' ἕτερον ἀνίσοις ἄνισα μέρη νενεμημένης. ταύτην δὲ πυρὸς ἀρχὴν καὶ τῶν ἄλλων σωμάτων ὑποτιθέμεθα κατὰ τὸν μετ' ἀνάγκης εἰκότα λόγον πορευόμενοι· τὰς δ' ἔτι τούτων ἀρχὰς ἄνωθεν θεὸς οἶδεν καὶ ἀνδρῶν ὃς ἂν ἐκεῖνῳ φίλος ἦ [Во-первых, каждому, разумеется, ясно, что огонь и земля, вода и воздух суть тела, а всякое тело имеет глубину. Между тем любая глубина по необходимости должна быть ограничена некоторыми поверхностями; притом всякая прямолинейная поверхность состоит из треугольников. Однако все вообще треугольники восходят к двум, из которых каждый имеет по одному прямому углу и по два острых, но при этом у одного по обе стороны от прямого угла лежат равные углы величиной в одну и ту же долю прямого угла, ограниченные равными сторонами, а у другого – неравные углы, ограниченные неравными сторонами. Здесь-то мы и полагаем начало огня и всех прочих тел, следуя в этом вероятности, соединенной с необходимостью; те же начала, что лежат еще ближе к истоку, ведает бог, а из людей разве что тот, кто друг богу] (пер. С. С. Аверинцева).*

⁶ О небе, 298b15.

⁷ Цитата с элементами парафраза из “О небе”, 298b 18-19: *ἀλλὰ μόνον δοκεῖν ἡμῖν, οἷον οἱ περὶ Μελισσόν τε καὶ Παρμενίδην, οὓς, εἰ καὶ τᾶλλα λέγουσι καλῶς, ἀλλ' οὐ φυσικῶς γε δεῖ νομίσει λέγειν· τὸ γὰρ εἶναι ἄττα τῶν ὄντων ἀγένητα καὶ ὅλως ἀκίνητα μᾶλλον ἐστὶν ἐτέρας καὶ προτέρας ἢ τῆς φυσικῆς σκέψεως.*

отстаиваемые ими положения как естественнонаучные? Разве сочинения как Мелисса, так и Парменида не называются «О природе»?⁸ Однако этого, пожалуй, недостаточно, ведь слово «природа» является общим именем. Поэтому они нередко дерзают говорить о природе бога, подобно тому как мы говорим о природе существующих вещей. Вместе с тем, они в своих сочинениях рассуждали не только о том, что превыше природы, но и о вещах естественных. Вот почему они, вероятно, сочли возможным назвать свои сочинения «О природе».

Однако если бы мы сочли истинным то их мнение, за которое Аристотель порицает их и в котором видит причину их заблуждений, то следовало бы признать, что рассуждают они грубо⁹. Ведь, как говорит Аристотель, они, с одной стороны, не допускают, что помимо бытия чувственных вещей что-то еще в реальности может существовать, а с другой стороны, именно они впервые поняли, что должны существовать вещи, наделенные не подверженной возникновению и движению природой, если только возможно подлинное знание, ибо о вечно текущем подлинного знания не может быть. И у Платона Парменид говорит, что, если бы не было вечных идей, лежащих в основании вещей, мы не нашли бы, куда направить мысль¹⁰. Рассуждая подобным образом, Парменид и Мелисс перенесли на чувственно воспринимаемые и подверженные возникновению вещи способ рассуждения, предназначенный для умопостигаемого и неподвижного. Ведь, намереваясь говорить о природе, они в соответствии с этим и строили свое рассуждение, и если Мелисс называл свое сочинение «О природе, или О сущем», то очевидно, что природой он считал сущее, а естественными вещами – сущие

⁸ В интерпретации этого места мы следуем за Яном Мюллером, который понимает μή как частицу, усиливающую значение κωλύει. Соответственно, у Мюллера перевод выглядит так: «Someone might say the following, ‘What prevents one from saying that these people are students of nature and are to be criticized as students of nature? In fact both Melissus and Parmenides entitled their treatises ‘On nature’» (*Simplicius. On Aristotle On the Heavens 3.1-7 (Ancient Commentators on Aristotle) / Transl. by I. Mueller. L.: Duckworth, 2009. P. 31*).

⁹ В интерпретации этого места мы следуем переводу Яна Мюллера: «But what Aristotle censures them for in dismissing the reason for their mistake would be really harsh if it were correct» (*Ibid. P. 31*).

¹⁰ Парменид, 135b. Симпликий ссылается на следующий фрагмент из платоновского диалога: ἀλλὰ μέντοι, εἶπεν ὁ Παρμενίδης, εἴ γέ τις δῆ, ὃ Σώκρατες, αὐτὸ μὴ ἑάσει εἶδη τῶν ὄντων εἶναι, εἰς πάντα τὰ νυνδὴ καὶ ἄλλα τοιαῦτα ἀποβλέψας, μηδὲ τι ὀριεῖται εἶδος ἑνὸς ἐκάστου, οὐδὲ ὅποι τρέψει τὴν διάνοιαν ἕξει, μὴ ἑὼν ἰδέαν τῶν ὄντων ἐκάστου τὴν αὐτὴν ἀεὶ εἶναι, καὶ οὕτως τὴν τοῦ διαλέγεσθαι δύναμιν παντάπασιν διαφθερεῖ [Но с другой стороны, Сократ, если кто, приняв во внимание все только что изложенное и тому подобное, откажется допустить, что существуют идеи вещей, и не станет определять идеи каждой вещи в отдельности, то, не допуская постоянно тождественной себе идеи каждой из существующих вещей, он не найдет, куда направить свою мысль, и тем самым уничтожит всякую возможность рассуждения] (пер. Н. Н. Томасова).

вещи, то есть чувственно воспринимаемые. Также и Аристотель говорил, что они не признавали ничего кроме бытия чувственных вещей, полагая, что сущее едино: ведь если чувственно воспринимаемое явным образом кажется существующим, а сущее едино, то кроме него ничего не может быть. Так, Мелисс говорил: «если сущее есть, то оно едино: если бы сущих было два, они не могли бы быть беспредельными, но были бы отделены друг от друга границами». Парменид же говорил о сущем, что оно

Цельно, однородно, недвижно, нерожденно¹¹.

Однако Аристотель, по своему обыкновению, и теперь берется опровергать изложенные выше мнимые аргументы, стараясь не ввести в заблуждение более поверхностных людей. Те же двое мужей принимают два вида действительности: действительность подлинно сущего умопостигаемого и действительность находящихся в становлении чувственных вещей, которые они не считали возможным называть сущим как таковым, а только кажущимся сущим. Поэтому сущим как таковым ведает истина, становящимся сущим – мнение. Парменид об этом говорит:

...Познай же как должно

И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе —
Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Все проникая насквозь, убедительны виделись людям¹².

Однако, завершая свою речь о подлинно сущем и намереваясь перейти к учению о чувственно воспринимаемых вещах, он добавил:

Здесь пресекаю свое к тебе достоверное слово
Думы об Истине. Ныне узнай же и мненья людские,
Внемля обманчивый склад моей украшенной речи¹³.

И еще он прибавляет, излагая порядок чувственно воспринимаемых вещей:

¹¹ ДК. 8.3-4. В стандартной версии текста Парменида порядок атрибутов иной: ἀγένητον ἐὸν καὶ ἀνώλεθρόν ἐστιν, / ἐστὶ γὰρ οὐλομελές τε καὶ ἀτρέμεζ ἢ δ' ἀτέλεστον.

¹² ДК. 1.28-29 (здесь и далее цитаты из Парменида приводятся в переводе М. Л. Гаспарова).

¹³ ДК. 1.50-52.

Так, по мненьям людским, и рождается это, и длится
Ныне, и будет возрастать, и встретит урочную гибель.
Каждой из этих вещей люди дали отдельное имя¹⁴.

Как же Парменид мог допускать существование одних лишь чувственно воспринимаемых вещей, Парменид, философские рассуждения которого об умопостигаемом [столь недвусмысленны, что] было бы излишне приводить их здесь? Как же мог применительно к описанию чувственно воспринимаемых вещей использовать способ рассуждения, предназначенный для вещей умопостигаемых, тот, кто, как легко можно убедиться, рассмотрел единство умопостигаемого и истинно сущего отдельно от описания порядка чувственно воспринимаемых вещей и не счел возможным применять имя сущего к чувственно воспринимаемому? Однако ведь и Мелисс, писавший прозой и оттого яснее изложивший свое мнение относительно этих предметов, как во всем рассуждении в целом, так и в особенности в том месте, где он утверждает, что сущее едино, не подвержено возникновению и движению и не содержит в себе никакой пустоты, но полно самим собой и существует всегда целокупно, говорит: «Основным доказательством того, что единое может быть только одно, является вышеизложенное рассуждение, однако можно привести еще и такие доводы. Если бы единых было много, то каждое из них обладало бы теми же свойствами, что и то единое, о котором я говорил. Ведь если существуют земля, вода, воздух, железо, золото и огонь и если бывают живые и неживые вещи, а также белые, черные и так далее, в соответствии с тем, что людям представляется истинным, - так вот, если все это существует и если нас не обманывают зрение и слух, то по необходимости каждая из этих вещей будет такой, какой она нам показалась в первый раз, и не будет меняться или становиться иной, но всегда будет такой, какова она сейчас. Однако, хотя в каждый конкретный момент мы и говорим, что видим, слышим и понимаем все правильно, нам кажется, что горячее становится холодным, а холодное – горячим, твердое – мягким, а мягкое – твердым; нам кажется, что живое умирает и возникает из неживого, что все изменяется, и ничего из того, что есть сейчас, не подобно тому, чем оно было прежде. Так, твердое железо крошится от соприкосновения с пальцем; стачиваются и постепенно исчезают золото, камень и все вещи, которые кажутся крепкими, а земля и камни возникают из воды. Итак, оказывается, что сущего мы не видим и не познаем, а значит, наше рассуждение не согласно само с собой. Ведь хотя мы и сказали, что существует множество имеющих

¹⁴ ДК. 19.1-3.

неизменный облик и устойчивые свойства вещей, нам при каждом новом взгляде на эти вещи кажется, что все они изменяются. Отсюда ясно, что зрение нас обманывало, и нам неправильно казалось, что таких вещей много. Ведь если бы они поистине существовали, то не изменялись бы, но были бы таковы, какими они предстали перед нами в первый раз. Ибо нет ничего устойчивее истинно сущего¹⁵. Если бы сущее изменилось, то существующее погибло бы, а несуществующее возникло. Следовательно, если бы вечных и постоянных вещей было много, то они были бы таковыми же, каково единое». Таким образом, Мелисс здесь ясно изложил причину, по которой и он, и Парменид не признают, что чувственно воспринимаемые вещи существуют, а считают, что они только кажутся существующими.

Итак, кто бы мог допустить, что Мелисс и Парменид признают существующими лишь чувственно воспринимаемые вещи? Однако возникновение истинно сущего они отрицают, о чем Парменид сказал так:

Вот и погасло Рожденье, и стала неслышима Гибель¹⁶.

И Мелисс говорит то же, что и Парменид. Однако о возникновении чувственно воспринимаемых вещей оба они высказываются вполне определенно: Мелисс в том месте, где он говорит: «горячее становится холодным» и далее: «земля и камни возникают из воды», а Парменид там, где он говорит, что, как считается, чувственно воспринимаемые вещи имеют начало:

...как земля, и солнце, и месяц,
И соприсущий эфир, и небесное млеко, и оный
Крайний Олимп, и ярые звезды в горячей их силе
Ринулись, чтобы возникнуть¹⁷, -

и описывает возникновение всех вещей, подлежащих возникновению и уничтожению, вплоть до отдельных частей животных. Очевидно, что Парменид не мог не знать, что сам он существует, как не мог он не знать того, что имеет две ноги, хотя и

¹⁵ Существует множество версий перевода этого места: «В самом деле, нет ничего сильнее истинно сущего». «Ибо нет ничего сильнее подлинной истины» (Г. Дильс). «Ибо ничто не превосходит истинно сущего» (кн. С. Н. Трубецкой). «Ибо нет ничего крепче подлинной реальности» (Дж. Вернет).

¹⁶ ДК. 8.21.

¹⁷ ДК. 11.1-4.

считал, что сущее едино. Следует полагать, что Аристотель повсеместно после опровержения мнимого аргумента Парменида приводит то рассуждение, которое в «Метафизике» начинается со слов «Парменид рассуждает проничательнее других»¹⁸.

Александр¹⁹ же излагает их доказательства следующим образом. Существует лишь чувственно воспринимаемое; истинное знание может быть только о сущем; то, о чем может быть подлинное знание, не подлежит движению; следовательно, чувственно воспринимаемое неподвижно. В соответствии с этим способом рассуждения они, по мнению Александра, и перенесли ошибочно на чувственно воспринимаемые вещи то, что поистине высказывается о вещах, не подлежащих движению. Поэтому и вышло так, что Парменид и Мелисс, рассуждая о естественных вещах так, как не подобает исследователям природы, пришли к тому, что оказались вынуждены вовсе отказать природе в существовании.

¹⁸ Сокращенная цитата из Метафизики, 986b27: Παρμενίδης δὲ μᾶλλον βλέπων ἔοικέ που λέγειν.

¹⁹ Александр Афродисийский (конец II-начало III века н. э.), известнейший античный комментатор Аристотеля.